

РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «В ТУПИКЕ»

С двадцатых годов в советском литературоведении установилось мнение, что в романе «В тупике» В. В. Вересаев не смог дать адекватное изображение революции. С 1931 г. широко известный роман не издавался более полувека. Теперь положение изменилось. Одно издание следует за другим, критика утверждает, что именно Вересаев был наиболее объективным, и иногда пафос авторов заключается в утверждении ущербности революции. Как же обстоит дело в действительности? Что сказано о революции в романе, главными героями которого являются интеллигенты, не принимающие ее в ее реальности?

Удивительно, но в книге Вересаева белому движению уделено незначительное место. Но о его движущих силах говорить можно. Дмитрий Дмитриевский, молодой ученый и только начавший службу поручик, убедился, что армейская молодежь, в основном некадровая, за Учредительное собрание, но высший командный состав, офицеры гвардии и, конечно, многие другие за возвращение к старому. Безымянный офицер, передавший письмо от сына профессору Дмитриевскому, еще совсем недавно в Петрограде не испытывал вражды к большевикам, но после начала красного террора ушел на юг защищать свободу и Учредительное собрание; в отличие от Дмитрия он предчувствует катастрофу, потому что «...у большинства оказалось не так, до народа им нет никакого дела»¹.

Современный читатель, знакомый с историческими фактами в общем виде или получивший сведения в новейшей интерпретации, в самом деле может подумать, будто Учредительное собрание и было тем органом, который мог обеспечить России наилучшее развитие в будущем. Учредительное собрание, избранное через несколько недель после Октября, намеревалось голосами правых эсеров, меньшевиков и кадетов сохранить буржуазные отношения, экономическую власть капитала и, скорее всего, в своей политике было бы похоже на Временное правительство, дискредитировавшее себя в глазах народа. Полное непризнание Учредительным собранием Советской власти, ставшей реальной властью рабочих и крестьян, сделало их сотрудничество невозможным. А сама борьба за Учредительное собрание велась сторонниками буржуазной республики. Как свидетельствует писатель, этот шанс не был надежным. Не эти цели вдохновляли белое движение. Доктор Сарганов, которому симпатизирует Вересаев, смеясь, предупреждает Дмитрия: «И вы верите, что вас не проведут, как воробушков?» (13).

Подлинные намерения белых выявились сразу же после их военных побед. В занятом Крыму в первых обращениях к населению, расклеенных всюду, они с рассчитанной неопределенностью сообщали о твердом намерении удовлетворить действительные нужды рабочих и справедливо решить вопросы о крестьянской земле. Но чувствовалось, пишет Вересаев, — «...это говорят чужие люди... готовые уступить только то, что никак нельзя удержать, — и все отобрать назад, как только это будет возможно» (201).

Эта политика белогвардейцев, прямо направленная на защиту интересов эксплуататоров и не совпадающая с розовыми мечтами дмитревских, прекрасно согласуется с действиями и рассуждениями большинства офицеров, выведенных в романе эпизодически. Белое движение предстает перед нами реакционной классовой диктатурой. В крайней форме она выражается в терроре и смертной казни политических противников. За убийство двух офицеров на греческие хутора посылают карателей, кавалеристов дикой дивизии, они убивают, издеваются, грабят и жгут; отступая, белые расстреливают пленных комиссаров; вернувшись, вешают рабочих, членов фабричного комитета, снова расстреливают пленных и советских активистов. В армии чувствуется вседозволенность: можно расстрелять из пулеметов солдат с белым флагом, зарубить евреев, застрелить крестьянина, который не отдавал лошадь.

Эта военная диктатура, реквизирующая продовольствие у крестьян, сама, однако, разлагалась сверху донизу. В штабах при бездарных генералах

состояли франты, которых на позициях никто не видел; солдаты сидели в окопах в рваном обмундировании, зато в тылу крестьяне носили английские френчи и американские ботинки; шампанское в ресторанах лилось рекой. Армия грабила население, а при отступлении и наступлении грабеж становился неудержимым.

Большая часть вересаевского романа посвящается советскому периоду. Революция, как показывает ее писатель, – время призывов к свободе и братству и одновременно принуждения и небывалой жестокости, время разрушения сложившихся представлений о собственности и прежних отношений между людьми, смены праздников и календарей, ломки морали, время страха и голода, обретений и надежд.

Катя Сартанова видит, как восторженно встречают крестьяне новую власть, как горячо поддерживают ее рабочие, как даже во время войны и обостренной нужды складываются небывалые прежде отношения, по-новому смотрят глаза и неумело, коряво говорят новые слова.

В первое время Катю поражала привычка к жестокости у солдат и матросов. Как-то в саду дома, где ее соседями были красноармейцы, Катя слушала рассуждения матроса, колотившего доски из ограды для костра, о том, что весь вред «от буржуазного элемента» – их нужно, как ужа вилами, прижать и растерзать, что правильно поступили с офицерами – кого в море с палубы, а то – в топку прямо – пожарься! Ее брат, большевик Сартанов-Седой, во многом правильно объясняет это массовое озлобление: ведь это раньше, в первую революцию, были десятки, ну сотни тысяч, и более сознательные, а теперь поперли миллионы, и думают они не о человечестве, а о себе. Их учили война, голод, несправедливость и безысходность. Попробуй, останови их месть вот теперь, сдержи их жадность. Все это правда, но нельзя не заметить, что Седой одобряет такой ход событий, и лишь однажды промелькнуло в его взгляде удрученное отчаяние перед потоком дикостей и злодейств.

Шире, чем Сейфуллина, яснее, чем Пильняк, описывает Вересаев темные стороны революции, и то, что и современники, и потомки не сумели вполне осознать ее уроки, нанесло большой вред общественному развитию. Не в выигрышном положении оказалась и литература, а сторонники сегодняшних буржуазных преобразований, опираясь на малоизвестные факты и внеисторические размышления, игнорируя или извращая действительность, по-новому пишут историю нашей страны.

Поэтому вересаевский роман – честное свидетельство современника – теперь чаще издается, и в истории литературы ему предназначено более заметное место.

Никому, даже сегодня, не придет в голову считать искажением исторической правды и клеветой на революцию окурки в коридорах и вшей на мягкой мебели в номерах гостиницы, занятой советскими служащими, делегатами, матросами и солдатами с фронта; пыльную засыхающую пальму и грязные стекла в советской столовой, где они едят; красноармейцев, развалившихся в грязных сапогах на турецких диванах буржуазных квартир, или пограничников, ворующих у дачников кур. Особой смелости в этих картинках с натуры не было. Все это более или менее полно отразилось во многих произведениях литературы двадцатых годов.

Можно соглашаться или не соглашаться с немецким революционером, который, увидев разлегшегося на горячих хлебах ломовика, сказал: «Nein, s' wird bei Ihnen nicht gehen» (нет, дело у вас не пойдет). Но в романе таких фактов очень много, и они дополняются другими, еще более значительными. В самом деле, в голодный город привезли из уезда полторы тысячи пудов рыбы, и из-за нераспорядительности властей она сгнила.

Не только компрометируют новую власть бывший вор комендант Сычев, председатель ревкома садист Искандер, заведующий жилотделом взяточник Зайдберг, они ее в определенной степени олицетворяют. Как же относится к ней писатель, как объясняет ее устойчивость в борьбе с прямыми врагами и собственными пороками? Ведь утвердилась она, и даже в наше время всеобщего отрицания это еще никем не подвергнуто сомнению.

Прежде всего тут нельзя забывать, что роман «В тупике» – роман об интеллигенции. Главных героев его традиционно называют прогрессивными. Но их прогрессивность ограничивается Февралем. Октябрь оказывается даже для таких, как Катя и профессор Дмитревский, полуприемлемым. Вот через

их восприятие и даны события в романе. Перед нами калейдоскоп сцен, по сути повторяющихся и призванных объяснить не только сущность классовой борьбы в ее крайнем развитии, но и судьбы большей части русской интеллигенции в это время. Эта, вторая, задача является для Вересаева не менее важной: достаточно вспомнить название романа и эпиграф к нему. Но ни в том, ни в другом случае Вересаев не остается беспристрастным летописцем. Солдаты, рабочие и крестьяне ярко, но эскизно очерчены им во многих эпизодах, и их содержание сводится к вполне определенным итогам. Писатель убежден в неизбежности революции, массовость ее очевидна, цель ее – в улучшении жизни трудящихся и создании нового общества. Не думают арестованные большевики перед расстрелом, что совершили они противозаконный переворот, что не дождалась плодов общечеловеческой цивилизации, что не смогут трудящиеся без собственников создать подлинную демократию и обеспечить народ необходимыми благами. Умерли с убеждением, что жили не зря.

Даже в условиях войны профессору Дмитревскому и Кате удается сделать очень много для народного образования. Катя сама участвовала в открытии школ, курсов, домов ребенка, народного университета, студий и библиотек. А когда была на концерте в своем дачном поселке, удивлялась, как захватила крестьян и красноармейцев классическая музыка.

Как-то, поднявшись после рабочего дня из душного и грязного города в горы, глядела Катя на зеленовато-голубое, меркнувшее небо, на город с окраинами в фиолетовой дымке, раскинувшийся у голубого спокойного моря, и думала: может быть, издали и время это будет видеться иначе – одно только важное и значительное. Но роман создавался современником, видевшим жизнь не из далекого будущего, а в ее пестром, противоречивом, трагическом и величественном движении. Есть в романе и страницы, посвященные Чрезвычайной комиссии. Катя Сартанова, сидевшая в царских тюрьмах, совершенно права, заявляя на допросе в ЧК, что таких бесчеловечных условий, такого унижения личности она не знала. В камере, куда ее поместили, было пять женщин, они расположились прямо на холодном полу на тюфяках, одеялах и подушках, переданных из дому; сырой подвал слабо освещал свет из двух зарешеченных отдушин, на прогулку не водили, кормили впроголодь. Правда, Катю скоро отпустили, новый предревкома отдал под суд начальника тюрьмы...

Отношение писателя к ЧК не только отрицательно, и особенно важно не пропустить рассуждения одного из его высших руководителей, Воронько, образ которого создавался под впечатлением беседы с Ф. Дзержинским. Разумеется, Воронько не Дзержинский, хотя и похож на него внешне, некоторые его высказывания более чем спорны, но главное писатель не отвергает. А главное это то, что в условиях страшной классовой войны с хорошо организованным, высококультурным, защищающим свое уже реформированное отечество классовым врагом, поддержанным со всех сторон мировой буржуазией, ожесточенным неудачами и растущим сопротивлением, неизбежен террор. Неизбежно и появление новой морали, которая является следствием этой войны. Это вдруг поняла Катя. И пусть те, кто считает «В тупике» романом антисоветским, объяснят, почему начальник всеукраинской ЧК Воронько описан с очевидной симпатией? Старый писатель увлекся, не додумал, не исправил?

Не только исторически ценными, но и неожиданно актуальными оказываются те немногие страницы, на которых рукой мастера очерчены сцены из жизни местных большевистских верхов. Нет никаких оснований абсолютизировать наблюдения Вересаева, но нельзя и игнорировать их.

Предревкома Корсаков лучше других видит неумение, некультурность, а зачастую и беспринципность трудящихся, пришедших к власти. Знает и об огромных злоупотреблениях. Но для него это трудности, которые нужно и можно преодолеть. Он понимает, что во время гражданской войны при разорванных хозяйственных связях новая власть не сможет восстановить все производство и организовать торговлю, сносно обеспечивающую людей. «...Что-то тут нужно сделать... Рано или поздно придется ввести какие-то коррективы» (172), – говорит он.

Его мысли о людях у власти нетрадиционны для нашей прежней литературы и современной публицистики. Наиболее подготовленными и надежными он считает интеллигентов, закаленных в предреволюционной

борьбе, отдельные рабочие, пожалуй, крепче и цельнее, но большинство, как правило, менее устойчивы, легче злоупотребляют властью. И вообще Корсаков боится опьянения властью, безнаказанности и неподготовленности.

Не обошел писатель и тип, который внушает подлинный страх и отвращение. Это губернский комиссар по продовольствию Колесников. По его приказам расстреливают крестьян за невыполнение продразверстки. Властью он хочет пользоваться как неограниченный диктатор, пренебрегая интересами и судьбами людей. Из интеллигенции ему нужны только офицеры – боевики и инженеры американского типа. А вот свои нужды он не ограничивает.

Роман «В тупике» написан писателем, тяжело переживавшим кровавую классовую борьбу. Как и его герои, он не принимал в ней участия, но как только наступали периоды относительного спокойствия, Вересаев приступал к работе в советских культурных учреждениях, а главное, продолжал писать. Он сделал свой выбор и до последнего дня, несмотря на трудности, выпавшие на его долю, был верен ему.

¹ Вересаев В. В. В тупике. Л., 1989. С. 51. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

Э. В. ЧУМАКЕВИЧ

ВАЛААМ В ЖИЗНИ И. С. ШМЕЛЕВА (творческая история очерка «Старый Валаам»)

Произведения замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева наконец возвращаются на родину.

Семи лет от роду И. С. Шмелев остался без отца, а чуть позже умер и плотник Горкин – духовный наставник и воспитатель мальчика. С тех пор практически некому было посоветовать, научить, наставить, разрешить его сомнения.

Воспитанный в религиозной семье, где выше всего почитались честность и труд, И. С. Шмелев, окончив гимназию, в 1894 году стал студентом Московского университета. Он много читал. В юношеские годы И. С. Шмелев познакомился с идеями рационализма шестидесятников, атеистическими взглядами Белинского, Чернышевского, Добролюбова, с учением Л. Н. Толстого.

Осенью 1895 года, женившись, двадцатилетний студент решает посетить Валаамский Преображенский монастырь. Такой выбор, вероятно, был обусловлен желанием разобраться, определить, насколько правы атеисты в вопросах религии.

Создав семью, вступая в новый этап жизни, И. С. Шмелев не мог без внутреннего перелома принять идеи отрицания Бога. Будущий писатель интуитивно чувствовал в рационализме, научно-техническом прогрессе определенную опасность. Сбитый с толку учением атеистов, молодой Шмелев пытался понять, чем же заполнится душа человеческая, если действительно рационализм вытеснит Бога.

Приближаясь вместе с другими паломниками, ехавшими «по святому делу», к Валааму, он внутренне «спрашивал себя – а я по какому делу? И – не знаю»¹.

Вдвоем с юной женой они провели несколько дней на Валааме, где Шмелев, по его словам, нашел успокоение и ответы на мучившие его вопросы.

Творческим итогом этой поездки стала книга – художественный очерк – «На скалах Валаама», изданная в 1897 г. Она и стала началом писательской деятельности И. С. Шмелева (до этого у него был опубликован рассказ «У мельницы», 1885 г).

Жанр художественного очерка был очень распространен в литературе того времени. И. С. Шмелев, не отклоняясь от его законов, рассказывает о встречах, беседах с жителями Валаама, участниками путешествия. Очерк молодого писателя «На скалах Валаама» явился отражением внутренних поисков жизненной точки опоры.

В рассказе «Моя первая книга», написанном уже в эмиграции, Шмелев подробно описывает печальную судьбу очерка «На скалах Валаама»: цензура